

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А.И. ГЕРЦЕНА**

Галина Яковлевна АХМЕТОВА

ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XV-XVI вв.

**(Словообразовательные типы и лексико-
грамматические свойства)**

Специальность 10.02.01 - русский язык

А в т о р е ф е р а т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А.И. ГЕРЦЕНА

На правах рукописи

Галина Яковлевна АХМЕТОВА

ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ХУ-ХУІ вв.

(Словообразовательные типы и лексико-
грамматические свойства)

Специальность 10.02.01 - русский язык

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ленинград
1975

Работа выполнена на кафедре русского языка Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им. А.И. Герцена.

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор В.Д. Георгиева.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор А.И. Моисеев, кандидат филологических наук И.М. Мальцева.

Ведущее учреждение - Псковский государственный педагогический институт.

Автореферат разослан " 14 " *октябрь* 1975 г.

Защита диссертации состоится " 20 " *ноябрь* 1975 г. в 16 час. на заседании Ученого Совета по лингвистическим наукам и методике преподавания русского языка Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им. А.И. Герцена.

Адрес: Ленинград, 191186, Набережная р.Мойки, 48, корпус 20, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Ученый секретарь Совета

Начало подлинно научному изучению русского словообразования было положено работами таких лингвистов, как А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртене, Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий, хотя некоторые ценные наблюдения и замечания о словообразовательной структуре слова можно найти уже в работах М.В. Ломоносова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Ф.И. Булаева, Г.Павского и других лингвистов.

В советском языковедении вопросам словообразования (с включением и общих вопросов теории) посвящены работы Л.В. Щербы, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, Н.М. Шанского, Б.Н. Головина, А.И. Моисеева, Е.А. Земской, К.А. Левковской, Н.Д. Арутюновой, В.В. Лопатина, И.С. Удучанова и многих других.

Изучение словообразования как системы предполагает синхронное исследование его частных систем в отдельный исторический период. Имена действия как наиболее многочисленная группа абстрактной лексики является одной из таких частных систем.

Изучение вопросов исторического словообразования дает возможность наиболее детально представить словообразовательную структуру слов в современном русском языке, проследить возникновение синонимических пар, стилистическое и смысловое использование языком слов, близких по значению, но различных по образованию.

Имена действия широко представлены в письменных памятниках прошлого. Они образовывались от глаголов при помощи разных суффиксов: -ни(е), (-ени-е), -ти(е), -к(а), -б(а) -тв(а), а также бессуффиксным способом. Эти группы существительных подвергались неоднократному специальному исследованию, однако следует отметить, что хотя библиография по именам действия значительна, исследования, в основном, проводились на материале современного русского языка, и, кроме того, разные словообразовательные типы изучены неравномерно. Особенно большое внимание уделялось (и уделяется) образованиям с суффиксами -ни(е), (-ени(е)), -ти(е)¹⁾. Другие отгла-

---

¹⁾ См. работы Г.О. Винокура, Л.Н. Булатовой, Л.Г. Свердлова, П.В. Булина, Л.А. Илюшиной, Н.Т. Шелиховой и др.

гольные имена существительные менее изучены.

Предметом исследования в реферируемой диссертации являются имена действия в русском языке XV-XVI вв. Этот хронологический период меньше всего изучен, между тем, XVI в. является завершением развития языка русской народности как одного из трех восточнославянских языков. В частности, в это время формируются многие особенности словообразовательной системы русского языка, которые оказываются характерными для последующих периодов, в том числе и для современного русского языка.

Термин "имена действия" условен. Используя его, мы подчеркиваем, что рассматриваем не все отглагольные имена существительные (слова учитель, строитель тоже отглагольного образования), а только те, которым свойственно или было свойственно в момент возникновения, хотя бы и наряду с другими значениями, значение действия. Мы останавливаемся и на таких существительных, встретившихся в исследуемых памятниках, которые в XV-XVI вв. уже утратили значение действия, но в момент своего возникновения, безусловно, имели его (одеяние, имение). Первичность значения действия характерна для подавляющего большинства рассматриваемых нами словообразовательных типов.

Тема диссертации предусматривает изучение имен действия как определенного словообразовательного и семантического класса. Поэтому целью работы является: 1) Синхронное описание основных словообразовательных типов отглагольных имен действия и определение степени их употребительности в языке памятников XV-XVI вв. Данная задача предполагает и освещение ряда вопросов грамматического плана, в частности, вопроса взаимодействия категориальных глагольных и именных значений в составе названных имен. 2) Исследование лексической семантики имен действия с включением вопроса, касающегося связи словообразовательного типа и семантических свойств имени.

Таким образом, в диссертационной работе сделана попытка представить специфику отглагольного словообразования на определенном этапе развития языка, а также выявить те закономерности, которые связывают грамматическую сторону анализируемых имен с их семантикой.

Работа написана на материале произведений повествовательного жанра — летописей (Ипатьевская летопись XV в., Московский летописный свод конца XV в.), посланий (Послания Ивана Грозного, Послания Иосифа Волоцкого), "хожений" и путешествий (Хожение инокa Зосимы 1419—1422, Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472, Хожение купца Василия Позняка по святым местам Востока 1558—1561, Хожение Трифона Коробейникова 1593—1594, Путешествия русских послов XVI—XVII вв.) — и памятников делового и юридического письма (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, Новгородские грамоты на бересте, Двинские грамоты XV в., Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., Новгородские записные кабальные книги 100—104 и III годов, Судебники XV—XVI вв., Домострой).

В качестве дополнительного материала привлечены данные словаря И.И. Срезневского в целях сравнения письменности изучаемого периода с ранней древнерусской письменностью. Для сопоставления фактов исследуемого хронологического периода с последующими веками использовались словари: Словарь Р.Даля, словарь Академии Российской (1789—1793 гг.), БАС, а также некоторые областные словари.

Основной метод, использованный в реферируемой работе, — метод лингвистического описания, включающий прием непосредственного наблюдения и описания собранного материала и сравнительно-сопоставительный анализ. При необходимости используется также прием количественных характеристик объекта.

1. 1. В связи с анализом словообразовательных типов делается вывод о необходимости различения генетического источника того или иного типа и словообразовательных связей, ассоциаций в конкретный исторический период. Эти два фактора могут не совпадать. С различением генетического источника словообразовательного типа и словообразовательных связей в конкретный исторический период связано мнение В.В. Виноградова о "сдвиге грамматических отношений между именем и глаголом"¹, вопрос об аналогии, об использовании при словотворче-

---

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., Изд. "Высшая школа", 1972, стр. 345—346.

стве инварианта производящей основы, сложившегося в сознании носителей языка. Поясним это на примерах.

Отвлеченные имена существительные с суффиксами -ня(э), (-ени-е), -ти(а) — древний, исторически устойчивый словообразовательный тип. Большая часть слов с этими суффиксами, известных в исследуемый период (XV—XVI вв.), была характерна и для более раннего времени и фиксируется памятниками старшей поры (XI—XII вв.). В лингвистической литературе есть две точки зрения относительно словообразовательной сущности данного типа. Первая — существительные на -ние, -тие образовывались от основы инфинитива глагола — идет от Н.И. Греча¹⁾ и А.Х. Востокова²⁾. Она нашла отражение в работах В.А. Богородицкого, В.В. Виноградова, специальных статьях Л.Н. Булатовой и других исследователей. Вторая точка зрения — образование существительных на -ние, -тие связано с основой страдательных причастий прошедшего времени — идет от Г.Павского³⁾. Дальнейшее развитие этой второй точки зрения находим у Ф.Буслаева, А.Н. Гвоздева и других лингвистов.

Отсутствие единства в решении данного вопроса объясняется принципиальной разницей в подходе к его рассмотрению. Сторонники первой концепции исходят из живых словообразовательных отношений современного им русского языка, сторонники второй концепции правы с историко-генетической точки зрения.

В результате исследования наших материалов мы приходим к выводу, что говорить об отрицательном образовании данных существительных в XV—XVI вв. нельзя. Строгое соответствие форм "причастие прошедшего времени на -нѣ, -тѣ — существительное с элементами -ние, -тие", видимо, свойственное более ранним периодам, в нашем материале отсутствует. Так, многие существительные связаны в словообразовательном отношении с невозвратными непереходными глаголами, страдательные причас-

¹⁾ Н. И. Г р е ч. Пространная русская грамматика. СПб, 1880, стр. 143.

²⁾ А. Х. В о с т о к о в. Русская грамматика. СПб, 1852, стр. 4, 84.

³⁾ Г. П а в с к и й. Филологические наблюдения. Рассуждение III, о глаголе. СПб, 1842, стр. 123.

тия от которых не могли образовываться¹⁾. Ср., например: ...гром страшен и молниям блистания ... (МЛС, 247); ...дальнего разстояния ... (МЛС, 299); ...яко же орел летанием облетши ... (Посл. Ив.Гр., 9); ино тому подверь и всякому обиходу домовитому старости и обвѣтшания нѣтъ ... (Дом. Имп., 120) и глаголы блистати, разстояти, летати, обвѣтшати.

Значительное количество существительных, исходя из семантических соответствий, закреплено в своих словообразовательных связях с возвратными глаголами, от которых, как известно, мы не можем ожидать образования страдательных причастий. К ним относятся такие существительные, как провинение, повинение (провинитися, повинитися), злобление (злобитися), взвертание (взвертѣтися), кланяние (кланятися) и многие другие.

Можно отметить и явления другого рода, которые прямо говорят о нарушении строгого структурного соответствия существительных на -ние, -тие причастиям на -нѣ, -тѣ. Ср., например, пѣние (вм. пѣтие, страд. прич. "пѣтъ"), отпѣние (страд. прич. "отпѣтъ"), приние (страд. прич. "пріятъ", хотя в памятниках встречаются и формы, вполне соответствующие причастиям: пѣтие, отпѣтие, пріятие).

Но наиболее интересной представляется еще одна особенность. Наши материалы дают возможность утверждать, что иногда вообще нет формальной соотнесенности существительного с реально существующей в языке глагольной формой. Ср.: ...и государь нам х тому дѣлу подвижен и сходителен будет к жутчегу дѣлу сомкнению... (Пут.р.посл., 15). Существительное сомкнение морфологически не соответствует ни одной из глагольных форм с данным корнем. Оно формально не образовано ни от сомкнути (было бы сомкновение) ни от смыкати (было бы смыкание). То же самое можно сказать о существительных обнижение, поминовение и др. При этом заметим, что данные имена не зафиксированы в

¹⁾ К XV-XVI вв. (и даже, вероятно, ранее) уже сложилась категория переходности-непереходности как грамматическое свойство глагола. См. об этом, например: С. Д. Н и к и ф о - р о в. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952, стр. 14, 336.

словаре И.И. Срезневского, что приводит к сомнению в факте особой древности их образования, когда они могли быть связаны с основой какого-то утраченного глагола.

Употребление в XV-XVI вв. отглагольных имен, подобных приведенным, позволяет сделать вывод, что категорическая постановка вопроса - от какой основы образовано то или иное существительное с суффиксом -ни(е), (-ени-е), -ти(е) - от причастной или инфинитивной - неправомерна, если речь идет о словообразовательном типе, имеющем длительную традицию. Ввиду древности самого типа в сознании носителей языка образовался определенный инвариант, который может быть использован при словотворчестве. Таким образом, очевидно, целесообразно говорить о влиянии более древних образцов, об опоре на инвариантную глагольную основу.

Сделав это принципиальное замечание, оговорим однако, что при практическом анализе словообразовательных типов мы соотносим их с основой инфинитива, что мотивируется их общепринятым морфемным членением.

1.2. В лингвистической литературе, посвященной именам действия в языке прошлого, до сих пор детально не рассматривался вопрос об ограниченности или неограниченности образования имен от тех или иных производящих основ. Между тем, наблюдения показали, что разные словообразовательные типы обладают неодинаковыми словообразовательными возможностями. Почти вне ограничения образуются имена действия на -ние, (-ение), -тие.

Слова данного словообразовательного типа производятся по разным моделям. На основе различий в структуре глагольных основ можно выделить следующие: 1) основа на суффиксальное и > j + ение (вълнити - вълни-ение); 2) основа с суффиксом а + ние (глаголати - глагола-ние); 3) основа на согласный + ние (въвести - въвед-ение); 4) основа с суффиксом ъ + ние (поболѣти - поболѣ-ние); 5) основа с суффиксом ова/ева + ние (чаровати - чарова-ние); 6) основа на корневой гласный, сохраняющийся в произведенном имени, + ние или тие (предати - предание, жити - житие); 7) основа на корневой гласный и > иj + ение (убити - зи-ение); 8) основа на корневой гласный и > ѡв(ов) + ение (забыти - забв-ение); 9) основа с суффик-

сом ја + ние (л^яйти - л^яи-ни^е); II) основа с суффиксом ва + ние (убывати - убыва-ни^е); I2) основа с суффиксом ива/иза + ние (оправивать - опр^авива-ни^е). Наиболее продуктивными¹⁾ является первая (около 260 слов) и вторая (около 120 слов) модели. Обращает на себя внимание малая продуктивность модели "ну > нов + ние", хотя сами глаголы с суффиксом -ну- употреблялись в письменности XV-XVI в. в значительном количестве.

Имена действия данного словообразовательного типа потенциально могли быть образованы от любой лексической группы глаголов²⁾.

I.3. Тенденция к использованию суффиксов -ть(а), и -б(а), при образовании рассматриваемых имен заметно связана со способом действия производящего глагола; образование бессуффиксных существительных и существительных с суффиксом -т(а) наиболее интенсивно от приставочных глагольных основ, что, видимо, также ведет к связи со способом действия. Таким образом, проявляется распределение типов словообразования в зависимости от характера действия: название продолжительного и пространственно неопределенного действия более связано с типами на -тва и -ба, название предельного или локально определенного действия - с бессуффиксным типом или с -т(а) на -ка (поскольку приставочные глагольные основы выражают в большинстве случаев именно эти последние значения).

Разумеется, указанная особенность имеет свойство только определенной тенденции, а не строгой закономерности, тем более, что одни словообразовательные типы развиваются, другие, наоборот, затухают в своем употреблении, что видоизменяет назначенную тенденцию.

---

¹⁾ О словообразовательной продуктивности см. в работе И.С. Улуханова "Глаголы на -еть в современном русском языке (о продуктивности и регулярности словообразовательного типа)". В кн.: "Развитие словообразования современного русского языка". М., Изд. "Наука", 1966, стр. 135.

²⁾ Говоря о "лексических группах", заметим, что в лингвистической литературе нет единой классификации глагольной лексики. Наиболее дробную классификацию находим у Н.А. Крайникова в его работе "Морфология глагола" (Горький, 1957), где он выделяет двадцать лексических групп глаголов.

1.4. Имена действия в языке XV-XVI вв. полностью обладают категориальной грамматической спецификой имени. Они лишены вида (чисто глагольной категории). Вопрос о категории вида в отглагольных именах является едва ли не самым интересным и спорным. По данному вопросу существует несколько точек зрения. Замечания по поводу возможности говорить о значении вида у имен на -ние, -тие мы находим в работах А.Х. Востокова, А.М. Пешковского, Г.О. Винокура, Н.П. Романовой, Л.Г. Свердлова и ряда других исследователей. Вторая точка зрения, отрицающая постановку вопроса о значении вида у данных имен, изложена в работах А.А. Потёбни, В.В. Виноградова, А.А. Цоя, Г.А. Николаева, П.В. Булина, Л.А. Иджиной и некоторых других лингвистов. Наконец, ряд исследователей решают вопрос о наличии или отсутствии категории вида у отглагольных имен дифференцированно, в зависимости от исследуемого хронологического периода (В.А. Хохлачева, А.И. Васильев и др.).

По-видимому, такие резкие расхождения связаны не столько с различным пониманием природы произведенных отглагольных имен, сколько с различным пониманием самой категории вида.

Учитывая понимание категории вида, изложенное в специальных работах последнего времени¹⁾, невозможно усматривать наличие этой категории в именах действия не только в современном русском языке, но и в языке исследуемого периода.

Действительно, если, учитывая специфику категории вида, предположить, что отглагольным именам свойственно видовое значение, то в этом случае они должны иметь систему оппозиций, соотносительность с глаголом по характеру действия, лексико-семантическую соотносительность внутри каждой пары²⁾. Однако анализ материала показывает, что именам действия в период XV-XVI вв. (как и в современном языке) не была свойственна регулярность тех признаков, которые были бы вызваны категорией вида, а некоторых признаков такого рода они не имеют совсем.

---

¹⁾ См., например: А. В. Бондарко, Л. Л. Булина и н. Русский глагол. Л., 1967 (гл. "Категория вида").

²⁾ См. об этом: П. В. Булин. Отглагольные парные имена на -ние и -ка в современном русском литературном языке. АКД. Горький, 1965, стр. 8.

Так, именам действия совершенно не свойственна связь с категорией времени. Например, в предложении "И все хотенье государя вашего... исполню" (Пут. р.посл.) хотенье может означать и то, что государь желает, и то, что будет желать (пожелает).

Во-вторых, в наших материалах мы находим лишь четыре пары существительных, образованных от глаголов, составляющих видовую пару в результате имперфективации. Это: извѣщение - извѣстание (извѣстити - извѣдати), сѣдение - сѣдание (сѣсти - сѣдати), положение - полагание (положити - подлагати), падение - падание (пасти - падати). К тому же, такие пары имен уже в древний период развивали лексико-семантическую несоотнесенность. Ср.: сѣдение (одно из значений - "владение княжеством") и сѣдание (только действие по глаголу).

Наличие существительных с суффиксами -ни(е) (-они-е), -ти(е) от однокоренных бесприставочных и приставочных глаголов также не является, как это может показаться на первый взгляд, доказательством сохранения этими образованиями видовых значений.

Их лексические значения обычно не соотносительны во всей их совокупности, а нередко и вообще не включают общих элементов (Ср.: закитие - только "пожитки" и житие - "жизнь" и т.п.).

Чрезвычайно характерно, что свойство глаголов совершенного - несовершенного видов обозначать целостность - нецелостность действия проявляется в способности глаголов несовершенного вида означать действие, делимое на фазы, и сочетаться с фазовыми глаголами и в отсутствии этой особенности у глаголов совершенного вида. Но ср. в отглагольных существительных: "начал, продолжил и т.п. приобщение, решение и т.д." В соответствии с этим мы можем наблюдать в древнерусском языке способность существительных, образованных от приставочных глаголов со значением результативности, называть действие, делимое на фазы, без какого-либо ограничения. Ср.: Святославъ же ѿ начало выгнанию братиѣ¹⁾ или: И удолжися остоя в городѣ²⁾

¹⁾ И. И. Срезневский. Материалы... т.П, стл. 742.

²⁾ Там же, т. I, стл. 441.

(остоя - бессуффиксное имя от глагола остояти в значении "обступить", "осадить"). Глаголы же выгнати и остояти не допускают подобной сочетаемости.

Таким образом, отглагольные имена существительные лишены значения вида, и мы можем говорить лишь о своеобразном преломлении видовых различий глаголов в семантике.

Имена действия образуют типично именные словосочетания с другими именами существительными, глагольная же управляемость сохраняется лишь в тех случаях, когда падеж способен оформлять одновременно и именные словосочетания не только с отглагольными существительными, но и за пределами их. Структура именных словосочетаний определяется грамматической природой имени существительного. Так, обычным для имени при необходимости выразить объектные отношения, связанные с сильным управлением, является распространение родительным падежом. Это связано с исторически сложившимися свойствами родительного падежа как основной формы, способной образовывать именные словосочетания, в том числе и с объектным значением зависимого слова. Ср.: ... съ изъясненіемъ правъ ... (Дух. зав., 38); ... сложение церкви ... (Дом. имп., 29); ... на обрѣтѣніе главы (МЛС, I 77); и изъяснити права, сложити церковь, обрѣсти главу.

Некоторые такие словосочетания несут в себе элемент атрибутивных отношений двух именных членов. Под влиянием именной природы главного слова в таких сочетаниях и объектным отношениям присоединяется определительный оттенок. Очень часто этот сдвиг в семантике сопровождается заменой существительного в родительном падеже именем прилагательным. Например: ... и отъ освящения воды, и отъ масленого освящения и от молебнаго соборнаго дѣнія ... (Дом. имп., 21). Выражение объекта (как и субъекта) относительным или притяжательным прилагательным - характерная черта древнерусского языка, который предпочитал в этом случае словосочетания "существительное + прилагательное", отчетливо выражая таким образом предметность имен действия.

Видоизменение грамматических свойств глагола в отглагольных именах заключается и в том, что та же форма родительного падежа зависимого от них слова создает субъектные отношения.

Например: И мы писанье своих послов вычли гораад... (Посл. Ив.Гр., 283); ...а по скаске карабелъщиков от Колмогорской пристани до Варгава ... верст (Пут. р. посл., 103). Князь великий Василей Васильевич, слышавъ извѣщу дяди своего князя Брья ... (МЛС, 251).

Именные словосочетания с главным словом, выраженным отглагольным существительным, и зависимым, выраженным существительным в творительном падеже, повторяют структуру глагольных словосочетаний. Замена творительного падежа каким-либо другим падежом в наших материалах не обнаружено. См. примеры: ...о управлении всякому своими землями... (Дог. гр., 124); ...наслаждение молитвою ... (Дух. зав., 52); ... а ходу комышенкою рѣкою три версты въ степь. (Хожд. Ф.Кот., 71). (Ср.: управляти землями, наслаждатися молитвою, хотати рѣкою). Такое соответствие вполне понятно. Творительный падеж в системе своих значений содержит такие, которые позволяют этой падежной форме образовывать именно словосочетания, причем не только с отглагольными существительными. Ср., например, в "Материалах" И.И. Срезневского: По атласу червчатому травы золотомъ да серебромъ (II, стл. 758); двѣдцѣть рублевъ московскимъ числомъ (III, стл. 1524) и т.д.¹⁾

Таким образом, наблюдения над словосочетаниями с главным словом, выраженным отглагольным существительным, показывают, что форма падежа управляемого слова сохраняется по сравнению с глагольными словосочетаниями только в тех случаях, когда подобная словосочетаемость не противоречит всему традиционному сложившемуся комплексу значений данного падежа. В связи с изложенным не представляется целесообразным говорить об отглагольных существительных (в плане грамматическом) как о какой-то гибридной глагольно-именной категории²⁾.

¹⁾ См. также: Творительный падеж в славянских языках. Мад. АН СССР, М., 1958, стр. 294-295, 305-306.

²⁾ Ср. подобное толкование имен на -ние (-ение) в литературе: А. А. Ц о й. Лексико-грамматическая природа отглагольных имен на -ние, -ение и их особенности. "Труды Узбекского государственного университета", новая серия, № 92. Самарканд, 1958, стр. 83-97; В.В. Бабайцева. Классификация частей речи с учетом существования гибридных слов. В кн.: "Филол. науки. Вопросы синтаксиса русского языка". Тамбов, 1973, стр. 105-106.

1.5. Наблюдения над выделенными словообразовательными типами показали некоторую историческую перспективу употребления их. Так, наибольшей активностью употребления обладал словообразовательный тип с суффиксами -ние (-ение), -тие. Для языка XV-XVI вв. это живой, довольно продуктивный и весьма употребительный словообразовательный тип. Однако следует отметить, что в изучаемый период уже намечается некоторая тенденция к ограничению круга словообразовательных связей существительных на -ние, -тие, которая получила дальнейшее развитие в современном русском языке. Как показало исследование Э.А. Шагинурова¹⁾, в современном русском языке словообразовательная активность данных имен зависит от класса глаголов.

В XV в. имена действия на -ка только начинали оформляться как самостоятельная семантико-грамматическая группа слов. Они употреблялись исключительно в памятниках деловой, бытовой письменности.

Развитие и становление существительных на -ка следует рассматривать в тесной связи с дальнейшей эволюцией существительных на -ние (-ение), -тие (намечающейся тенденцией к ограничению круга словообразовательных связей последних). Активизация существительных на -ка, видимо, объясняется также тем, что образования на -ние, -тие, несмотря на свою активность, в какой-то период оказались непригодными для выражения определенных понятий. Среди фактов, обусловивших такое положение вещей, следует, видимо, усматривать книжный характер образований на -ние, -тие, а также семантическое различие в характере названных действий. Существительные с суффиксом -к(а) образовывались чаще от глагольных основ, означающих действия из сферы быденной жизни, что делало эти формы более свойственными тематике бытовых жанров письменности и более жизнеспособными.

Уже в языке изучаемого периода (XV-XVI вв.) наблюдается тенденция к образованию имен на -ка от ряда основ, которые не

---

¹⁾ Э. А. Шагинуров. Семантико-словообразовательные отношения имен действия к базовым глаголам в современном русском языке. АКД. М., 1971.

образовывали форм на -ние (-ение), -тие (настилка < насти-
лать, присадка < присадить и т.д.). В дальнейшем, как пока-
зано в ряде исследований, продуктивность существительных с
суффиксом -к(а) возрастает. В современном русском языке этот
словообразовательный тип несколько вытеснил словообразова-
тельный тип с суффиксами -ни(е) (-ение), -ти(е).

По-прежнему активно функционируют в языке XV-XVI вв.
бессуффиксные отглагольные существительные, хотя продуктив-
ность в это время отличались только образования от пристав-
очных основ. В современном русском языке продуктивность их
резко падает. Это отмечали уже А.А. Потебня, Г.О. Винокур.

Непродуктивны в языке XV-XVI вв. существительные с суф-
фиксами -б(а), -тв(а). Эта черта характерна и для современно-
го русского языка. Сравнение материалов XV-XVI вв. с материа-
лами И.И. Срезневского дает некоторое основание предполагать
большую продуктивность этих типов и большую их употребитель-
ность в ранний древнерусский период. Так, словарь И.И. Срез-
невского фиксирует 24 существительных с суффиксом -тв(а),
тогда как в использованных нами материалах XV-XVI вв. их уда-
лось отметить только 5.

П. 1. Все отглагольные существительные в зависимости от
наличия или отсутствия их связи с общими (категориальными)
семантическими свойствами производящей основы могут быть раз-
делены на две группы: 1) существительные, семантическая ха-
рактеристика которых обусловлена соотношением с категориаль-
ными свойствами производящей основы, т.е. они называют соот-
ветствующее действие, и 2) существительные, семантическая ха-
рактеристика которых полностью или частично определяется вне
соотношения с общим категориальным значением глагольных основ.

Примеры первого типа: ...подобно псову дьямлю (Посл. Ив.
Гр., 9) ... его задушили по присилке сына же его (Пут. р. посл.,
81) и т.п. Данные парадигматического анализа показали, что
слова с обусловленной их происхождением семантической харак-
теристикой могут быть произведены как от однозначных, так и
от многозначных глаголов. Существительные, образованные от
многозначных глаголов, могут быть при этом однозначными, а
при многозначности произведенных имен их семантический объем,
как правило, не покрывает семантического объема производящих
глаголов.

В группе имен, семантика которых выходит за пределы называния действия по глаголу, можно выделить две подгруппы. Первая объединяет слова с независимой семантической характеристикой. При этом независимость может касаться а) категориальной стороны (отсутствие глагольности, т.е. значения "действия по глаголу" при наличии связей по другим семантическим ассоциациям), ср.: ... или тынь попортился, или городба в полъ... (Дом. имп., 148), городба - "изгородь", "загородка"; б) лексической стороны (значение действия, не соответствующего глаголу), ср.: князь велики по отпущении литургия повелѣ молебень пѣти... (МЛС, 249). Отпущение - "окончание"; в) категориальной и лексической стороны: ... всяко питание и украшение чужесть священническаго и иноческаго образа (Посл. И.Волоцк., 306), питание - "изобилие", "роскошь", но ср. питати - 1) кормить; 2) доставлять пищу; 3) воспитывать¹⁾. Имя действия имеет вторичное значение, которое могло развиваться через метафорическое употребление уже самого произведенного имени.

Вторая подгруппа - это те имена, которые частично сохраняют обусловленность категориальным значением производящей основы, имея в своем смысловом объеме и независимые значения, т.е. ряд значений таких имен выходит за пределы действия по глаголу. Ср.: ...бысть начало зданию церкви... (МЛС, 293). Здание - "созидание", "строение", действие по глаголу зъдати. И: ... да ляжет въ Смоленцѣ въ своемъ здании ... (МЛС, 75). Здание - "постройка", "дом".

Наши материалы позволяют сделать вывод о том, что большинство отглагольных существительных в языке XV-XVI вв. по своей семантике относится к группе слов, обусловленных связью с производящей основой. Вероятно, в современном русском языке это соотношение становится уже иным, хотя у нас нет данных говорить об этом с определенностью. Тем не менее уже в языке изучаемого периода нередки отглагольные имена, совсем не сохранившие значения "действие по глаголу" и среди них интересно отметить два слова - имѣнье и одеяние, поскольку они образованы тем суффиксом, который наименее способствует отрыву от глагольной семантики.

¹⁾ И.И. Срезневский. Материалы..., т.П, стл. 942.

П. 2. При рассмотрении предметной отнесенности изучаемых имен в работе выделены три семантических типа: 1) имена с процессуальным значением, 2) имена с общеабстрактным значением, 3) имена с конкретно-предметным значением.

Материал показывает, что значение процессуальное (в зависимости от лексического и грамматического характера производящего глагола) могло быть представлено как в виде конкретного механического действия, так и в виде отвлеченного.

В состав отглагольных имен с общеабстрактным значением входят имена с ослабленным элементом процессуальности¹⁾. Они обозначают отвлеченные понятия с самой разнообразной лексической наполняемостью: внутренние психические свойства (состояние) человека (страхование в знач. "страх", стыдение и т.п.), свойства характера (рачение, опасение в знач. "осторожность" и т.п.), состояние внешней среды (вар в знач. "зной", студение, потоп), понятия, связанные с отношением между людьми (реть в знач. "распря", "ссора", суплетка в знач. "тяжба", равнение в знач. "равенство", связка, дружба и т.п.) и др. понятия.

Общеабстрактное значение у данной группы имен генетически является вторичным, возникшим на базе значения процесса действия, причем в ряде случаев установление степени ослабленности процессуального значения в слове весьма затруднено, и потому распределение абсолютно всей абстрактной отглагольной лексики между двумя первыми группами неизбежно страдало бы субъективностью.

Конкретно-предметное значение, как показал материал, может возникать у отглагольных имен всех исследуемых нами словообразовательных типов. Однако не все существительные подвержены процессу конкретизации в равной мере. Чаще предметное значение появляется у бессуффиксных отглагольных имен (вырѣзь - "вырезанные узоры", "резьба", торгъ - "торговая площадь"), у существительных с суффиксами -и(а), -б(а) (записка, начинка, городба - "изгородь", татьба - "награбленное" и т.п.), редко - у существительных с суффиксами -ни(е), -ти(е).

¹⁾ В.В. Виноградов называет их существительными с "меньшим отпечатком глагольности". См. В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. М., изд. "Высшая школа", 1972, стр.101.

Развитие конкретно-предметной семантики у отглагольных существительных обычно не является случайным и связано с определенными закономерностями семантических изменений. Так, ассоциация по смежности понятий приводила к возможности употребления имени в значении предмета, который являлся результатом действия (описание - "то, что написано", "сочинение"), местом действия (перевоз - "место переправы"), объектом действия (питие - "напиток"), орудием или средством действия (ополчение - "войско"). Подавляющее большинство соответствующего лексического материала распределяется именно по этим группировкам. Лишь в единичных случаях формируется какое-то иное, специализированное значение (выходь - "дань", "подать", питание - "изобилие", "роскошь").

Рассматривая семантическую эволюцию от XV-XVI вв. до современного периода, можно отметить следующее.

Многие существительные на -ние (-ение), -тие ушли из языка вместе с производящими их глаголами: сосуждение, сгледание, сдание, окрадение, освѣнение, обавление, истопление (от истопити - "утопить"), вжелѣние, вержение и т.д. Это обычный факт языковой эволюции, не связанный с изменениями в словообразовании. Но в ряде случаев словарь (БАС) отмечает глагол, существительного же нет: кичение (глагол кичиться есть), окормление (ср. окормить), облыгание (ср. облыгать), трезвление (ср. трезветь и трезвить), трѣсновение (ср. треснуть), ступание (ср. ступать), избитие (ср. избить) и т.д. Кроме того, во многих случаях "действие по глаголу" словарем отмечается с пометкой "устар.": изволение, вкушение, возношение, строение, сотворение, совокупление, кленание (в значении "битье в металлический предмет"), обетование и т.д. Эти факты дают некоторое основание говорить об ограничении жизнеспособности имен данного словообразовательного типа.

Но особенно интересно то, что ряд существительных, имеющих в языке XV-XVI вв. значение действия, в современном русском языке его утратили совсем: ударение, здание, звание, расстояние (было значение "процесс удаления одного предмета от другого"). У существительных с суффиксом -н(а) значение конкретного предмета развивается еще более широко, оно в меньшей степени подчинено значению процесса.

П. 8. Заслуживают особого рассмотрения существительные с суффиксом -к(а), имеющие предметное значение. В научной литературе распространено мнение, что предметное значение у данной группы слов вторично и развилось на базе значений глагольного действия. При этом исследователи имеют в виду данные морфологические образования в целом. Однако этот тезис требует уточнений. В принципе возможны два пути изменения значений:

а) развитие конкретного значения на основе абстрактного,

б) развитие абстрактных значений на базе конкретных¹⁾. Отглагольные образования совсем не обязательно должны в момент своего первоначального функционирования означать действие по значению производящего глагола. Наши материалы, а также все отглагольные существительные с суффиксом -к(а), извлеченные из словаря И.И. Срезневского и иллюстрированные примерами из памятников письменности XV-XVI вв., приводят нас к следующим выводам: отглагольные существительные женского рода на -к(а) образованы при помощи не одного суффикса, а двух суффиксов-омонимов. 1) Суффикс -к(а), образующий от глаголов существительные с конкретно-предметным значением (это название конкретных неодушевленных предметов); 2) суффикс -к(а), образующий от глаголов существительные со значением действия, процесса. У последних, как и у отглагольных существительных других словообразовательных типов, на базе значения действия, путем ассоциации по смежности, могло развиться конкретно-предметное значение. Ср., например: А самому государю и людемъ его въ дому, и въ селе, и на службе, и на жаловании, и во всяких посылках, отнюдь никого ни въ чем не обидѣти ... (Дом. имп., 74) - где посылка - "посылание", действие по глаголу посылать; во ... третьей поклон настоятелю и отъ государя челобитие и посылка правити... (Дом. имп., 87) - где посылка - предмет, то, что послано. Интенсивность развития вторичного конкретно-предметного значения у имен с данным суффиксом частично связана, на наш взгляд, с влиянием предметного суффикса -к(а).

¹⁾ Д. Н. Ш м е л е в. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 216-217.

На то, что существовал и предметный суффикс -к(а), указывает сравнение материалов различной хронологической прикреплённости. Так, в словаре И.И. Срезневского 18 существительных имеют только конкретно-предметное значение (краска, начинка, отдвижка, привязька, подълька - "украшение", "отделка", прокладька, позовька - "повестка о явке в суд" и т.д.). Между тем, словарь В.Даля отмечает многозначность данных существительных. Они обозначают действие по глаголу и имеют конкретно-предметное значение.

К выводу о том, что существовал суффикс -к(а), способный образовывать от глаголов существительные с конкретно-предметным значением, склоняет еще и то обстоятельство, что к отглагольным формам на -ка с конкретно-предметным значением близки существительные мужского рода с суффиксом ок(ьк). Не исключено, что первоначально суффикс -к(а), образующий существительные с конкретно-предметным значением, и ок(ьк) - разные варианты одного словообразовательного типа. При этом существительные мужского рода с суффиксом -ьк являются, видимо, более древними по своему образованию, чем существительные женского рода. Их активное образование отражает уже наиболее древняя письменность (начатькь, недостатькь, списькь, здатькь, надѣлькь и др. - иллюстрации в словаре И.И. Срезневского из произведений XI-XII вв.). Основная функция этих имен - обозначать предметы, возникшие как результат определенной деятельности. В материалах XV-XVI вв. они продолжают функционировать с тем же значением: И язъ ему дал списокъ за своею печатью и за дьяка своего подписью... (Дух. грам., 38). Держаше бо и свитокъ в руке си и мне просящу ему и яко въдам ти (МЛС, 392).

Однако в XV-XVI вв. появляется ряд слов этого типа со значением действия, что словарем И.И. Срезневского не фиксируется. Это подтверждает вывод о развитии семантики ряда существительных с суффиксом -ьк(а, ъ) от конкретной к абстрактной. См. примеры из памятников XV-XVI вв.: ... А хто приѣдетъ на тыи острова на ловлю или на добытокъ на сало или на кожу, ино всимъ тымъ давати в домъ святаго Спаса и святаго Николы изо всего десятина (Гр. Вел.Новг. и Псков., 153), ... не бити, ни под сердце кулакомъ ни пинкомъ ни посохом... (Дом. Конн., 37).

Исследуемый материал показывает, что модели отглагольных образований с суффиксами -к(а) (ька) и ок(ьк) были близки по своей семантике и функциям. Об этом, в частности, говорит параллелизм образований с суффиксами -ьк(а) и ьк(ь), близких по значению: ... за Новгородскую проступку (ГВНП, 44), но ... ка-рань за проступок (Мал. гр. 1888. Мат. И.И. Срезневского).

Итак, мы предполагаем, что отглагольные существительные на -ка в русском языке XV-XVI вв. образовывались при помощи двух суффиксов-омонимов. Видимо, предметный суффикс к(а) был вариантом суффикса ок(ьк), при помощи которого образовывались существительные мужского рода с конкретно-предметным значением. В результате взаимного влияния суффиксов-омонимов, у существительных с основным значением действия развивалось конкретно-предметное значение, а у существительных с основным значением предметности — значение действия. По-видимому, в дальнейшем произошло слияние этих двух суффиксов в один и словообразование далее стало развиваться в той семантической последовательности, которая обычно отмечается в специальной литературе, т.е. на базе значения действия, путем ассоциации по смежности, развивалось конкретно-предметное значение.

П. 4. Анализ материала показал, что развитие конкретно-предметных значений у отглагольных существительных уже в XV-XVI вв. в определенной степени связано и с видом глагола (на современном материале это отмечается исследователями). Более интенсивно конкретно-предметные значения развиваются у существительных, соотносительных с глаголами совершенного вида. Таким образом, эта черта характерна не только для современного русского языка, но и для среднерусского периода.

Основное содержание диссертации отражено в следующих опубликованных работах:

1. К вопросу о характере производящей основы при образовании имен на -ние, -тие. В сб. "XXVI Герценовские чтения. Филологические науки. Лингвистика". Научные доклады 1973 г.

2. Отглагольные имена существительные с суффиксом -к(а) в памятниках письменности XV-XVI вв. В сб. "Вопросы русского языка и диалектологии". Хабаровск, 1974.

9. К истории существительных с суффиксом -тва в русском языке. В сб. "ИУМ Герценовские чтения. Филологические науки. Лингвистика". Л., 1975.